

веча, случившаяся в феврале 1855 г., в самый разгар как Крымской войны, так и семипалатинского романа, дает основание для надежды. Недаром с такой жадностью ловит он слухи, связанные с заключением мира и предстоящей коронацией, то есть событиями, влекущими обычные в таких случаях высочайшие милости. Не без лирической натуги он сочиняет стихи (о них говорилось выше), предназначенные вдовствующей императрице.⁸ Он прекрасно сознает свое положение. «Ведь не за солдата же выйти ей», – пишет он Врангелю: речь идет о намерении кузнецкой подружки вступить в новый брак.

Именно последнее известие повергает Достоевского в состояние шока – с обмороком, рыданиями, с отчаянием («Eheu»). Сообщая эти подробности, он употребляет 62 восклицательных и 31 вопросительный знак: такой взрыв эмоций – редкость даже для него. Правда, М.Д. Исаева лишь туманно предположила, что может найтись человек «пожилой, с добрыми качествами, служащий, обеспеченный». И, что, ежели таковой человек найдется, ей будет безразлично мнение на этот счет Достоевского, которого она между тем искренне любит.

Но, пока вопрошаемый впадает в иступление от этой дружеской просьбы (впрочем, в глубине души сознавая ее условность: «не верю я в жениха кузнецкого!»), в Кузнецке нарисовался реальный соперник – бедный, но молодой.

Счастличик Вергунов

24-летний учитель Николай Борисович Вергунов моложе М.Д. Исаевой на восемь лет (Впрочем, благодаря невинным хитростям последней он полагает, что – на пять). Они сходятся на *педагогической* почве: он учит ее сына Пашу, она дает ему уроки французского. Их связь, насколько можно судить, исполнена страсти. Возможно, в посланиях из Кузнецка осторожно намекалось на этот роман. Недаром их семипалатинский адресат признается: «...Я ревную ее ко всякому имени, которое упоминает она в своем письме». Но, как бы то ни было, Достоевского, совершившего в июне 1856 г. отчаянный (не санкционированный начальством) вояж в Кузнецк, ожидает страшный удар. Об этом он повествует в совершенно шиллеровских тонах: «Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого». Он не подозревает, что очень похожая сцена с пугающей неизбежностью повторится через семь лет, когда, *на крыльях любви* примчавшись в Париж, он услышит из уст Аполлиналии Сусловой – правда, уже без слез и целования рук – ужасную весть, что он опоздал.

Можно представить, сколь титаническими были предпринятые им усилия, если после двух дней его пребывания в Кузнецке «ее сердце опять обратилось» к нему. В ход, очевидно, было пущено все – от грозных пророчеств о подстерегающей безрассудных любовников нищете (как будто у него самого положение было прочнее!) до возможных, предвидимых в будущем оскорблений со стороны молодого супруга – вроде того, что стареющая жена возжелала «сладострастно заесть» чужую еще не отцветшую юность.

Достоевский возвращается в Семипалатинск «с *полной надеждой*».

Отсутствующий, однако, всегда неправ. Сердце Марии Дмитриевны качнулось «обратно» – в сторону Вергунова, который поначалу согласился было с доводами семипалатинского визитера и уже готов был уступить поле боя. «С ним я сошелся, – говорит о сопернике Достоевский, – он плакал у меня, но он только и умеет плакать!».

В историко-биографической литературе давно утвердилась манера трактовать молодого возлюбленного М.Д. Исаевой как совершенно бес-

8. Подробнее см. «Стихи не твоя специальность...» в кн.: Волгин И. Возвращение билета. М., 2004. С. 173-179.